

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Церковное управление, суд и средства содержания духовенства (Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 4. С. 95–119 (2-я пагин.). (Начало.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Церковное управленіе, судъ и средства содержанія духовенства.

(Изъ рассказовъ туземца).

Изъ церковной исторіи извѣстно, что Абиссинія была проsvѣщена христіанской вѣрою въ IV вѣкѣ. Первымъ епископомъ ея былъ Фрументій, назначенный изъ Александріи патріархомъ. Когда александрійскій патріархъ Діоскоръ, непризнавшій постановленій четвертаго вселенскаго собора, былъ преданъ всѣмъ православнымъ Востокомъ отлученію, абиссинская церковь продолжала оставаться при ставленникѣ Діоскора, насколько не отступая отъ древняго православнаго ученія. Какъ страна строго консервативная, она не рѣшилась измѣнить установившейся въ ея церковной жизни практикѣ и продолжала получать себѣ епископовъ отъ преемниковъ Діоскора, ставшаго родоначальникомъ коптскихъ патріарховъ; и вотъ уже въ теченіе полутора десятка вѣковъ таже практика не измѣнилась ни на іоту. И по нынѣ абиссинцы никогда не имѣли епископовъ изъ туземцевъ, а всегда получали и получаютъ ихъ отъ коптскихъ александрійскихъ патріарховъ. Эта вѣковая практика, ставшая закономъ уже въ силу извѣстныхъ національных особенностей абиссинскихъ христіанъ, именно, ихъ строгой консервативности, еще и оффиціально была возведена въ вѣчный нерушимый законъ, непреложность котораго была ограждена на одномъ коптскомъ соборѣ анаемой.

I.

Такимъ образомъ Абиссинія обречена на печальную участь— не видѣть въ числѣ своихъ святителей людей, родныхъ по языку и національности. Поэтому въ Абиссинію есть осо-

бое духовное лицо изъ туземцевъ, не имѣющее епископскаго сана, но властію своєю похожее на епископа,—это, такъ называемый, чаггэ (значить начальникъ). Должность эта была вызвана необходимостью замѣнять епископа—иностранца въ церковныхъ дѣлахъ, требующихъ знанія туземныхъ обычаевъ и языка. Абиссинцы для того, чтобы оттѣнить званіе епископа, котораго просто обожаютъ, отъ званія чаггэ, пользующагося почти равною съ епископомъ властью, употребляютъ слѣдующую аналогію: епископъ—солнце, а чаггэ—лучи, отъ солнца исходящія. Чаггэ дѣйствительно пользуется значеніемъ и властью лишь въ зависимости отъ епископа, по его попушенію. Чаггэ—это очень древняя должность въ Абиссиніи. Во всѣхъ столицахъ, гдѣ жили абиссинскіе цари, рядомъ съ старинными царскими дворцами стоятъ дворцы епископа и чаггэ также древней постройки. Совмѣстное нахожденіе этихъ дворцовъ свидѣтельствуетъ о издревле существующей близости другъ къ другу негуса (царя), епископа и чаггэ. Въ ихъ рукахъ и сосредоточивается вся власть, все высшее управленіе страной. Между этими тремя лицами существуетъ полное соотношеніе, особенно наглядно выражающееся въ слѣдующемъ.

Негусъ получаетъ свое достоинство отъ епископа, какъ совершителя помазанія на царство. Епископъ получаетъ назначеніе отъ патріарха, по просьбѣ негуса, чаггэ выбирается негусомъ и управляетъ церковными дѣлами по волѣ и въ зависимости отъ епископа, которому, какъ иностранцу, безъ чаггэ обойтись невозможно. Эта абиссинская тройца, если можно такъ выразиться, нѣчто нераздѣльное, — это одна власть въ троихъ, немыслимая въ каждомъ порознь, одномъ безъ остальныхъ двухъ.

Со времени негуса Иоанна, умершаго лѣтъ десять назадъ, произошли крупныя реформы въ церковномъ и гражданскомъ управленіи Абиссиніи, но единство и связь упомянутой тройцы не нарушились. Реформы Иоанна состояли въ слѣдующемъ. До него Абиссинія, составляясь изъ мелкихъ княжествъ, имѣла только одного негуса, Иоаннъ же назвалъ негусами еще двухъ своихъ соправителей—князей, управлявшихъ провинціями Шуа и Годжамъ, себя же назвалъ „негуса нагастъ“, т. е. царемъ царей, Богомъ по-

мазаннымъ, въ отличіе отъ остальныхъ двухъ негусовъ, не получившихъ священнаго помазанія на царство. Въ настоящее время этотъ титулъ носитъ Менеликъ, правящій царствомъ Шуа. Далѣе тотъ же негусъ Іоаннъ, послѣ смерти Аванасія, епископа всей Абиссиніи, послалъ коптскому патриарху просьбу прислать, вмѣсто одного, четырехъ епископовъ для Абиссиніи. Вся Абиссинія распалась на три епископіи, соотвѣтствующія тремъ царствамъ: Тигри, Шуа и Годшамъ съ подчиненными имъ мелкими княжествами. Четвертый епископъ (по имени Маркъ) не получилъ особой епископіи, а былъ назначенъ въ городъ Аксумъ къ тамошнему завѣтному для всей Абиссиніи храму „Ціонъ“.

Кстати объ Аксумѣ. Это самый первый городъ въ Абиссиніи въ религіозномъ отношеніи, такъ сказать, религіозный центръ, объединяющій въ себѣ всѣхъ абиссинцевъ христіанъ. Въ немъ находится замѣчательный монастырь (гедамъ), называемый „Ціонъ“ (Сіонъ). Это очень древній монастырь, обширный и многолюдный. Внутри монастырской ограды стоитъ одинъ храмъ чрезвычайно ветхій. Къ нему-то и обращены всѣ сердца благочестивыхъ абиссинцевъ. По преданію, храмъ этотъ есть ничто иное, какъ ветхозавѣтная скинія, построенная царицею Савскою (абиссинцы даже называютъ имя этой царицы-Хайка и почитаютъ въ числѣ своихъ святыхъ). Хайка была эіопскою царицею. На основаніи Библии абиссинское преданіе дополняетъ о ней слѣдующее.

Хайка будто бы была одной изъ женъ Соломона и жила у него около года. Возвращаясь на родину, она захватила съ собою левитовъ, священниковъ, пѣвцовъ, мастеровыхъ (для постройки храма) и даже первосвященника (sic). Намекомъ на это абиссинцы считаютъ слѣдующее мѣсто Библии: „царь Соломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала и чего просила, сверхъ того, что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками. И отправилась она обратно въ свою землю, она и всѣ слуги ея“. (III Цар. 10, 13; или II паралип. 9, 12) Въ городѣ Аксумѣ Хайка построила храмъ на подобіе Соломонова, въ которомъ приносились кровавыя жертвы и въ святилищѣ горѣлъ неугасимый огонь. Всѣ эіопы приняли обрѣзаніе ¹⁾ и весь Моисеевъ

¹⁾ Обрядъ обрѣзанія сохранился въ Абиссиніи и понынѣ, какъ остатокъ старины.

законъ. Списки Моисеева пятокнижія, привезенные изъ Іерусалима, будто и понынѣ хранятся въ Аксумѣ. Этого мало. Абиссинцы вѣрятъ, что въ ветхомъ Аксумскомъ храмѣ, стоящемъ въ оградѣ сіонскаго монастыря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности было святое святыхъ, хранится ветхозавѣтная святыня—ковчегъ завѣта съ Моисеевыми скрижалями (эти предметы на абиссинскомъ нарѣчїи обозначаются двумя словами: „Целáто-мусе“ (ковчегъ Моисея). Онъ будто бы былъ перенесенъ эіопами изъ Іерусалима въ Аксумъ (когда и какъ объ этомъ простой народъ не знаетъ, но въ школахъ абиссинскихъ исторія этого событія излагается подробно). Въ ограду Сіонскаго монастыря допускаются только мужчины, но внутрь ветхо-завѣтнаго храма никто изъ народа не осмѣливается проникнуть. Возлѣ храма живетъ одинъ престарѣлый армимандритъ (кóмось), обязанность котораго кадить ежедневно предъ ковчегомъ завѣта. Онъ это совершаетъ съ большимъ благоговѣніемъ.

Взявъ кадилаицу съ углями и горсть ладона, онъ идетъ къ церковной завѣсѣ, ведущей въ святое святыхъ и, просунувъ чрезъ нее руку съ кадилаицей, совершаетъ трижды каженіе „зря вспать“. За завѣсу же имѣетъ право входить только епископъ и то разъ въ годъ, чтобы помолиться и наблюсти чистоту. Толпы богомольцевъ, посѣщающіе Аксумъ, останавливаются у церковной ограды и взирая на виднѣющуюся изъ-за ограды старинную кровлю завѣтнаго храма, усердно молятся, припадая къ землѣ. Многіе цѣлуютъ камни монастырской ограды и захватываютъ съ собою горсть земли, которую хранятъ, какъ святыню.

Разъ въ годъ въ Аксумѣ совершается особое торжество— „баáль Ціонъ“—сіонскій праздникъ, который тянется до двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени въ Аксумѣ успѣваетъ побывать почти вся христіанская Абиссинія. Такое громадное значеніе аксумскаго монастыря и побудило негуса Іоанна испросить для управленія имъ особаго епископа. Но присланный для Аксума епископъ Маркъ вскорѣ по назначеніи умеръ, и преемникъ ему не назначался.

Такимъ образомъ въ Абиссиніи со времени негуса Іоанна разомъ появилось, вмѣсто одного негуса и одного епископа, три негуса и три епископа. Одинъ изъ негусовъ называется „негуса нагастъ“, одинъ изъ епископовъ (по

имени Петръ) имѣеть титуль „рыса-епископосать“ — глава епископовъ (митрополить). Петръ одинъ только уполномоченъ отъ патріарха властью совершать помазаніе на царство, и изъ негусовъ одинъ только можетъ быть помазаннымъ (двухъ помазанныхъ негусовъ въ одно время быть не можетъ). Митрополить (на абиссинскомъ нарѣчїи „папаса“) Петръ получилъ въ управленіе Тигри, гдѣ владычествовалъ „нагуса нагастъ“, и такимъ образомъ царство Тигли стало въ церковномъ отношенїи митрополїей. Для епископїи Шуеской и Годшамской негусъ Іоаннъ не значилъ особыхъ чяггэ, но и не отмѣнилъ совершенно этой должности. Чаггэ оставался по прежнему въ Тигри, гдѣ правили „негуса нагастъ“ и „папаса“. Триумвиратъ абиссинскїй по прежнему сохранился только съ нѣкоторой перемѣной въ титулахъ лицъ, его составляющихъ. Личность чаггэ была приурочена къ совмѣстному правленію только съ помазаннымъ царемъ и митрополитомъ, между тѣмъ какъ остальные епископы и цари этой привилегїи — имѣть своимъ соправителемъ чаггэ не получили.

При томъ же негусѣ Іоаннѣ произошло еще одно крупное событіе, повлекшее за собою разныя случайныя перемѣны въ церковномъ управленїи Абиссинїи. Митрополить абиссинскїй Петръ не поладилъ съ Іоанномъ. Смѣлый по характеру, получившїй въ народѣ за свои дѣйствїя даже прозванїе льва, Петръ часто вызывался обличать Іоанна за его строгїя мѣры противъ преступниковъ. Это не нравилось Іоанну. Но одинъ случай окончательно разсорилъ царя съ митрополитомъ.

Въ Абиссинїи царь имѣеть обыкновенїе дарить новоназначенному епископу какіе-нибудь подарки. Когда въ первый разъ прибылъ въ Тигри епископъ Петръ, царь подарилъ ему своего мула. Это было знакомъ чрезвычайнаго уваженїя къ епископу со стороны царя. Царскїй одномастный мулъ, всегда выхоленный, вымытый, вычищенный, украшенный золотымъ сѣдломъ, сіяющимъ подобно солнцу, является предметомъ роскоши, свойственнымъ одному негусу. Кромѣ царя, никто на него не садится, такъ какъ это почиталось бы униженїемъ царскаго достоинства. И вдругъ этого мула царь подарилъ митрополиту. Народъ пришелъ въ удивленїе отъ такого небывалаго поступка негуса, но митро-

полить, можетъ быть, по незнанію абиссинскихъ обычаевъ и порядковъ, отнесся къ подарку царя не такъ, какъ слѣдовало бы. Можетъ быть, онъ и не подозрѣвалъ, что подарокъ, сдѣланный царемъ, чуть-ли не означалъ уравненія достоинствъ царя и митрополита. Во всякомъ случаѣ, поѣздивъ около года на царскомъ мулѣ, Петръ отдалъ его въ полной сбруѣ своему архидіакону. Ничего бы еще, еслибъ архидіаконъ пользовался муломъ самъ, но и онъ, какъ иностранецъ, не отдалъ должнаго уваженія царскому мулу. Въ одинъ солнечный день негусъ Іоаннъ сидѣлъ у окна своего дворца и любовался окрестными видами. Необыкновенный блескъ вдали привлекъ его вниманіе. Онъ навелъ бинокль и къ ужасу своему замѣтилъ знакомаго мула, украшеннаго золотымъ сѣдломъ, и на немъ жену архидіакона. Гнѣвъ Іоанна былъ невыразимъ. На другой день во время засѣданія царскаго совѣта слуги ввели въ собраніе архидіакона. Царь велѣлъ дать ему нѣсколько ударовъ кнутомъ, и палачи уже приготовились было исполнить царское слово, какъ вдругъ въ залъ совѣта входитъ извѣщенный о гнѣвѣ царя митрополитъ. Тутъ произошла поразительная сцена. Петръ кинулся къ своему связанному слугѣ и закрылъ его своимъ тѣломъ отъ ударовъ; палачи въ страхѣ отступили. Тогда Петръ, обращаясь поочередно къ палачамъ, судьямъ и царю, произнесъ трижды: „анаема“. Пришедшій въ ярость Іоаннъ выхватилъ у тѣлохранителя мечъ и уже занесъ его надъ святителемъ, но стоящіе вблизи удержали его за руки. Петръ взялъ съ собою своего слугу и вышелъ изъ залы. На другой день царь созвалъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено лишить митрополита власти управлять митрополіей, отнять у него всѣ присущія его сану выраженія почестей, какъ-то: караулъ, свиту и пр. и ограничить его содержаніе. Управление митрополіей было предоставлено чаггэ, за митрополитомъ же оставлено было право только рукополагать въ іерархическія степени. Черезъ недѣлю послѣ изложеннаго выше событія духовенство съ крестнымъ ходомъ отправилось сначала къ царю, а затѣмъ къ митрополиту. Чаггэ и другія высшія духовныя лица, участвовавшія въ этой процессіи, со слезами умоляли царя и митрополита помириться. Петръ снялъ свою анаему съ царя и со всѣхъ тѣхъ, которые (были) подпали ей, но тѣмъ не менѣе до

самой смерти Іоанна оставался лишеннымъ своей власти и почестей. Когда Іоаннъ въ войнѣ съ однимъ изъ сосѣднихъ варварскихъ народовъ былъ убитъ, царь Шуа, по имени Менеликъ, нынѣ владычествующій въ Абиссиніи, воспользовался этимъ случаемъ и провозгласилъ себя помазанымъ царемъ царей. Епископъ Матѳей, управляющій Шуа, помазалъ Менелика на царство. Сынъ и наслѣдникъ Іоанна въ Тигри, Расъ-Менгеша, удрученный горемъ, не хотѣлъ добиваться отцовскихъ правъ и званія, но Петръ, очутившійся по смерти Іоанна въ странномъ положеніи, протестовалъ противъ поступка епископа Матѳея. Дѣло въ томъ, что право помазывать на царство присвоено было Петру, на что указывала и данная ему патріархомъ грамота. Петръ жаловался на Матѳея патріарху, обвиняя его въ присвоеніи чужихъ правъ, но на эту жалобу патріархъ ничего не отвѣтилъ; между тѣмъ Менеликъ, опасаясь, какъ бы Петръ, на сторонѣ котораго была правда, не помазалъ Расменгеша на царство, пригласилъ Петра во дворецъ къ себѣ и здѣсь задержалъ его почти насильно. Такимъ образомъ при Менеликѣ въ Шуа теперь два архіерея—Петръ и Матѳей, въ Тигри же нѣтъ теперь вовсе епископа, и какъ было тамъ при Іоаннѣ послѣ ссоры его съ Петромъ, такъ и доселѣ въ Тигри церковными дѣлами завѣдываетъ чаггэ.

При Менеликѣ, какъ помазанномъ царѣ, есть тоже чаггэ, выбранный самимъ Менеликомъ. Шуаскій чаггэ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи нѣсколько церквей, съ коихъ получаетъ содержаніе. Это цѣлая чаггэская епархія, въ которую не вмѣшивается епископъ. Она подвластна одному чаггэ, который чинитъ въ ней судъ и расправу и наблюдаетъ за благочиніемъ. Такъ какъ чаггэ постоянно находится при особѣ царя, то пользуется большимъ вліяніемъ на дѣла всего Шуаскаго царства. Онъ участникъ царскаго суда, простирающагося на все населеніе царства — на лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Епископъ (въ Шуа Матѳей) управляетъ всѣми приходами царства, за исключеніемъ чаггэской епархіи, но кромѣ того имѣетъ нѣсколько округовъ (нагаритовъ), дарованныхъ негусомъ, въ которыхъ правитъ совершенно самостоятельно. Эти округи называются епископскими (абунскими), такъ какъ негусъ въ дѣла ихъ совершенно не вмѣ-

пивается. Архіерей является въ нихъ владыкой духовнымъ и свѣтскимъ. Съ населенія ихъ онъ получаетъ подать, судъ его въ своихъ абунскихъ округахъ безапелляціоненъ, власть неограниченна. Это царство въ царствѣ. Архіерей имѣетъ даже свое войско, составленное изъ жителей архіерейскихъ нагаритовъ. Только въ царствѣ Годшамъ нѣтъ чаггэ. Тамъ править церковными дѣлами самъ епископъ (Лука). Подобно Матеею, онъ тоже имѣетъ въ Годшамѣ свои нагариты, въ которыхъ властвуетъ, какъ царь. Въ Тигри, какъ сказано, нѣтъ епископа (абун), такъ какъ папась Петръ ушелъ къ Менелику и Тигрійскій чаггэ управляетъ митрополіей самостоятельно, только ставленниковъ отправляетъ для рукоположенія къ Петру. Менеликъ, чтобы удержать при себѣ Петра далъ ему въ своемъ царствѣ—Шуа въ завѣдываніе нѣсколько церквей съ землей, составляющихъ, такъ сказать, случайную митрополію Петра.

Когда умретъ абиссинскій епископъ, замѣщеніе праздної епископской каедры происходитъ слѣдующимъ образомъ. Царь посылаетъ въ Александрію съ богатыми подарками нѣсколькихъ человѣкъ абиссинцевъ, которые передаютъ патріарху просьбу царя назначить для Абиссиніи епископа. Въ числѣ посланныхъ обыкновенно отправляется вся свита умершаго епископа, состоящая изъ египтянъ (коптовъ), которая и удостовѣряетъ, что епископъ дѣйствительно умеръ. Патріархъ посвящаетъ кого-нибудь изъ нитрійскихъ пустынниковъ въ санъ епископа и вручаетъ своему ставленнику патріаршую грамоту. Вновь назначенный въ Абиссинію епископъ захватываетъ съ собою цѣлый штатъ своихъ единоплеменниковъ — египтянъ: беретъ нѣсколькихъ священниковъ, архидіакона, діаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и множество слугъ. Иногда, впрочемъ, онъ беретъ къ себѣ свиту умершаго своего предшественника по каедрѣ. Избраніе и посвященіе абиссинскаго епископа, сборы его, путешествіе въ Абиссинію—все это продолжается очень долго — болѣе года. Прибытіе епископа въ столичный городъ сопровождается всегда большою торжественностію. Еще за нѣсколько верстъ до города народъ толпами выходитъ встрѣтить своего пастыря. При приближеніи великаго путешественника къ столицѣ на встрѣчу ему выходитъ самъ негусъ съ городскими властями. Всѣ привѣтствуютъ при-

бывшаго и поздравляютъ съ назначеніемъ. Къ особѣ епископа приставляется отрядъ тѣлохранителей, составляющій съ этихъ поръ его постоянную стражу. И во всякое время шествіе абиссинскаго епископа обставляется такою же пышностію, какъ и шествіе самого негуса. Епископъ возсѣдаетъ на мулѣ, окруженный десятками воиновъ съ длинными саблями на плечахъ, покрытыми флагами изъ разноцвѣтной матеріи, развѣвающиеся концы которой опускаются почти до земли. Рядомъ съ епископомъ по правую и лѣвую стороны ѣдутъ на мулахъ два слуги въ пышныхъ одеждахъ. Одинъ держитъ большой зонть, другой огромнымъ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ отгоняетъ насѣкомыхъ и навѣваетъ прохладу. По прибытіи въ столицу, епископъ поселяется въ своемъ дворцѣ, стоящемъ всегда рядомъ съ дворцомъ негуса. Новому епископу представляются во дворцѣ всѣ сановные жители столицы и сосѣднихъ городовъ, причемъ являются не съ пустыми руками, а приносятъ богатые подарки. Въ первый день по прибытіи устраивается парадный обѣдъ, на которомъ присутствуетъ негусъ. Во время обѣда ораторы произносятъ рѣчи, въ которыхъ восхваляютъ Бога за попеченія о благѣ церкви и за то, что Онъ далъ имъ такого добраго епископа. Послѣ обѣда діаконъ произноситъ многолѣтіе. Въ слѣдующіе дни продолжаютъ приносить новому епископу поздравленія и подарки, что продолжается мѣсяца два. Подарки приносятся очень цѣнные: слитки золота и серебра, искусно выдѣланные разноцвѣтные ковши изъ цѣлаго рога для вина. Занимающіеся охотой дарятъ лъвиныя и леопардовыя шкуры для постилки пола; отъ женщинъ приносятся сотканныя ими драгоцѣнныя матеріи для сорочекъ и кафтановъ. Словомъ, всякій приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются и съѣстные припасы и даже скоть. Напримѣръ, одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой—овець, третій приноситъ кадку масла; сносятъ бочками вино, молоко, постное масло, медъ, воскъ и пр.

Одежда абиссинскихъ епископовъ, какъ и египетскихъ, ничѣмъ не отличается отъ одежды нашихъ духовныхъ лицъ. Такіе же ряса и подрясникъ, и камилавка, расширяющаяся кверху, какія носятъ у насъ духовенство. Въ рукахъ у абиссинскаго епископа всегда посохъ съ блестящей золотой

инкрустаціей; но креста на груди, какъ и у коптскаго патріарха сверхъ рясы нѣтъ.

Кромѣ епископовъ и чаггэ, въ Абиссиніи есть конечно и низшія церковныя должности. Вся Абиссинія въ гражданскомъ отношеніи раздѣлена на множество губерній (намѣстничествъ). Каждая губернія представляетъ изъ себя строго ограниченную область, управленіе которой сосредоточивается въ рукахъ губернатора, или иначе намѣстника (по туземному, дажежмачъ-мслиэнны). Иногда губернія обнимаетъ собою цѣлое княжество, — тогда правителемъ ея или тоже намѣстникомъ является князь (расъ). Но кромѣ мслиэнны или раса, въ каждой губерніи есть еще духовный, начальникъ, назначаемый самимъ епископомъ для управленія тѣми приходами, которые находятся въ губерніи. Послѣдняя такимъ образомъ и въ церковномъ отношеніи является особою областію, имѣющею своего начальника. Разсматриваемая въ церковномъ отношеніи, каждая губернія называется нагаритомъ. Епископія, обнимающая собою извѣстное царство, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько нагаритовъ, начальники коихъ носятъ названіе „ликакгайнатовъ“ (отъ „лика“ — первый и „кгайнать“ — священство, т. е. старшій въ священствѣ, архипресвитерь). Когда умретъ ликакгайнать, избраніе и назначеніе въ нагарить новаго начальника всецѣло зависитъ отъ власти епископа. Ликакгайнать живетъ въ томъ же городѣ, гдѣ и гражданскій начальникъ и имѣетъ свою ставку рядомъ съ губернаторской. Кромѣ того, во всѣхъ большихъ городахъ нагарита есть дворцы для ликакгайната, который обыкновенно не сидитъ на мѣстѣ, а по дѣламъ своего округа переѣзжаетъ изъ города въ городъ, причѣмъ разъ въ каждый годъ совершаетъ по порядку обзорѣніе всѣхъ приходовъ своего нагарита. Личность ликакгайната очень почтенна. Въ своемъ округѣ онъ является представителемъ епископской власти. Во время объѣздовъ путешествіе его обставляется почти такою же торжественностію, какая бываетъ при шествіи епископа. Въ ликакгайнаты выбираются люди, получившіе достаточное мѣстное образованіе, но въ санъ священства они не посвящаются, такъ какъ онъ не совмѣстимъ съ сложными обязанностями ликакгайната. Впрочемъ бываютъ рѣдкія исключенія изъ этого правила.

Ликакгайна́тъ, назначенный епископомъ, выбираетъ себѣ еще помощниковъ, тоже называемыхъ ликакгайнатами (двухъ или трехъ, смотря по обширности нагарита), и даетъ каждому изъ нихъ—въ качествѣ средствъ для содержанія—по нѣскольку приходо́въ своего нагарита. Младшіе ликакгайнаты получаютъ съ прихожанъ этихъ приходо́въ подать.

Власть ликакгайната и его помощниковъ простирается на всѣ церкви нагарита, за исключеніемъ, такъ называемыхъ „дѣбровъ зайдегынботу“, церковей спасающихъ. Въ Абиссиніи есть церкви, пользующіяся правомъ полного самоуправленія, полученнымъ отъ самого негуса. Это нѣкоторые большіе соборы и монастыри, прославившіеся жизнью своихъ настоятелей. Никто, кромѣ царя (или его намѣстника) не смѣетъ нарушить автокефальности этихъ церковей, являющихся, такъ сказать, ставропигіями самого негуса. Права, данныя имъ отъ негуса, остаются за ними навсегда. Такихъ соборовъ и монастырей въ Абиссиніи чрезвычайно много. Вотъ болѣе замѣчательные изъ нихъ. Въ царствѣ Тигри: 1) Аксулгскій Гедамъ Ціонъ (куда былъ назначенъ епископъ Маркъ) 2) въ Городѣ Адуа—два собора—а) дэбре-Бергамъ (гора свѣта) — это храмъ въ честь св. Троицы (таотъ-сылласй), б) храмъ Спасителя (медганіалемъ). Въ тамбенской области: 1) въ пустынь монастырь Какамо, въ которомъ живетъ замѣчательный подвижникъ, настоятель монастыря—комось (архимандритъ) Гавре-Гоергисъ.

Въ столицѣ Маккале соборы: 1) тоате-медганіалемъ (храмъ Спасителя) и 2) тоате-Маріамъ (храмъ Маріи).

Въ Ласта: храмъ Адува-Лаливелѣ. Лаливелѣ—одинъ изъ абиссинскихъ царей, почитающійся за святого. Въ жизнеописаніи этого святого сказано: кто былъ въ этомъ храмѣ тому Богъ даетъ завѣтъ спасенія. Въ посадѣ Гашень—храмъ Богоматери.

Въ Гондарѣ—древней амгарской столицѣ соборы: 1) Бахта (введеніе во храмъ Богоматери)—первый соборъ, хоръ котораго славится по всей Абиссиніи; 2) соборъ Авуна-Авіекзы; 3) Дэбре-Таоръ (гора Фаворъ). Въ пустыняхъ соборы: 1) Авуна таклагайманотъ; 2) Гедамъ Дэбре-Дамо (монастырь на обрывистой горѣ). Въ мѣстечкѣ Зукála—соборъ св. Манфаскадоса. Въ области Хамасоенъ, въ пустынь,—Гедамъ Дэбре-Бизанъ.

Всѣ эти церкви и монастыри имѣютъ дарованныя имъ отъ негуса грамоты, подтверждающія ихъ права. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ указать одно очень замѣчательное— это право убѣжища для тяжкихъ преступниковъ. Преступникъ, которому удалось скрыться въ церковной оградѣ этихъ храмовъ, считается неподлежащимъ человѣческому суду и навсегда освобождается отъ смертной кары по законамъ за свое преступленіе. Но изъ всѣхъ указанныхъ Девровъ самый первый — Аксумъ. Въ немъ обыкновенно укрываются самые тяжкіе преступники—мятежники противъ власти негуса. Въ лѣсахъ и пустыняхъ Абиссиніи живетъ очень много такихъ мятежниковъ. Они собираютъ вокругъ себя войска изъ бѣжавшихъ, скрывшихся отъ суда, и вообще изъ лицъ, недовольныхъ негусомъ и разсчитывающихъ на привольную жизнь въ случаѣ, если ихъ вождю удастся овладѣть царскимъ престоломъ. Скрываясь, какъ мы сказали, въ лѣсахъ и пустыняхъ, мятежники эти вмѣстѣ со своими предводителями цѣлые годы выжидаютъ удобнаго момента къ возстанію. Но если, какъ часто случается, искатель престола (шифта) откажется отъ своей мечты и вмѣстѣ съ своими сообщниками пожелаетъ помириться съ царемъ, тогда всѣ они спѣшатъ укрыться въ храмѣ убѣжища. Самый же главный предводитель ихъ старается проникнуть въ Аксумъ, чтобы быть тамъ въ болѣе безопасности. Скрываясь днемъ въ лѣсахъ и рвахъ, онъ путешествуетъ ночью съ большою осторожностію. Вскочивъ въ ограду монастыря, шифта бѣетъ въ колоколъ. На звукъ колокола выбѣгаетъ настоятель и увлекаетъ шифту съ собою въ монастырское зданіе, такъ сказать, беретъ его подъ свою защиту. Здѣсь никто, даже самъ негусъ не вправѣ схватить шифту. Если шифта пожелаетъ выйти изъ монастыря, то для полной безопасности онъ старается предварительно помириться съ царемъ. Тутъ посредникомъ является самъ настоятель монастыря. Въ качествѣ ходатая (астараки) онъ отправляется къ царю и проситъ помилованія мятежнику. Умилостививъ царя, настоятель возвращается въ монастырь и захвативъ съ собою самого шифту, вторично ѣдетъ къ царю. Шифта взваливаетъ себѣ на плечи огромный камень и, войдя къ негусу, простирается предъ нимъ на землю. Въ такомъ положеніи онъ остается до тѣхъ поръ,

пока царь не произнесетъ словъ помилованія во имя Христа. Тогда кто-нибудь изъ присутствующихъ, либо самъ астаракки снимаетъ съ плечъ шифты камень. Это служитъ знакомъ, что примиреніе состоялось. Вообще, въ Абиссиніи извѣстные подвижники—настоятели очень часто принимаютъ на себя трудъ печаловаться предъ царемъ за тяжкихъ преступниковъ. Шифта, если не надѣется во время проникнуть въ Аксумъ или другое какое-нибудь замѣчательное убѣжище, призываетъ къ себѣ (въ то мѣсто, гдѣ скрывается) какого-нибудь прославившагося своею жизнью настоятеля. Шифта проситъ его ходатайства предъ царемъ о помилованіи, причемъ тутъ же клянется не возставать въ другой разъ противъ негуса. Настоятель ѣдетъ къ царю и склоняетъ послѣдняго дать съ своей стороны клятву въ томъ, что ничего не сдѣластъ шифтѣ. Послѣ этого преступникъ можетъ свободно выйти изъ своего потаеннаго мѣста и поселиться, гдѣ ему угодно.

Каждый спасающій дебрь имѣетъ еще въ своемъ завѣдываніи нѣсколько селъ и городовъ съ ихъ церквами, предоставленныхъ въ даръ этому дебру самимъ негусомъ. Всѣ приходы, подчиненные дебру, составляютъ его „гульта“, т. е. достояніе, и никто, даже самъ епископъ, не вмѣшивается въ дѣла дебрскаго гульта. Спасающій дебрь съ своимъ гултомъ является такимъ образомъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ центромъ, во главѣ котораго находится самъ настоятель дебра. Но кромѣ дебровъ спасающихъ, многіе большіе соборы и монастыри тоже имѣютъ свои „гульты“, полученные въ даръ отъ негуса. Центральная церковь гульта отъ подвѣдомыхъ ей получаетъ содержаніе — подать, взимаемую съ населенія, и вмѣстѣ является по отношенію къ нимъ церковью правящею, судящею, а настоятель ея высшимъ правителемъ (алака) гульта. Но въ отличіе отъ гултовъ, принадлежащихъ храмамъ убѣжища, гульты простыхъ соборовъ и монастырей не являются самозамкнутыми центрами, стоящими внѣ власти епископа и ликакгайнатовъ. Простые гульты, имѣющіе своего ближайшаго начальника въ лицѣ настоятеля центральной церкви, въ тоже время находятся въ полной зависимости со своими алаками отъ епископа и ликакгайнатовъ.

Еще отличіе дебровъ спасающихъ отъ простыхъ состоятъ

въ томъ, что настоятели первыхъ имѣютъ каеедры, т. е. право во время суда надъ подчиненными сидѣть на креслѣ, а не на землѣ, а настоятели простыхъ добровъ этого права не имѣютъ. Право каеедры принадлежитъ въ Абиссиніи лишь слѣдующимъ лицамъ: кромѣ, конечно, негуса, епископу, чаггэ, князю (расу), ликакгайнату (тому, впрочемъ, котораго назначаетъ самъ епископъ) и настоятелю храма убѣжища.

Наконецъ нужно еще имѣть въ виду, что въ Абиссиніи не въ каждомъ селѣ есть церковь, а обыкновенно нѣсколько сель (отъ 3-хъ и болѣе) имѣютъ одну церковь, въ которой всегда бываетъ нѣсколько священниковъ (3, 5, 7, 9 и даже 12) и нѣсколько діаконовъ. И вотъ среди духовенства каждой церкви есть одинъ старшій (гавасъ). Онъ имѣетъ то значеніе, что сносится по дѣламъ своей церкви съ ликакгайнатомъ (напр. по поводу замѣщенія празднаго священническаго мѣста, открывшагося въ приходѣ) и наблюдаетъ за поведеніемъ духовенства и благочиніемъ въ своей церкви.

Обычная одежда всѣхъ духовныхъ особъ въ Абиссиніи (кромѣ епископовъ) мало чѣмъ отличается отъ одежды мірянъ. Камись—хитонъ, который носятъ всѣ абиссинцы, у духовныхъ лицъ отличается тѣмъ, что имѣетъ рукава пошире и самъ дѣлается подлиннѣе. Поверхъ камиса абиссинцы носятъ лэвса,—это плащъ изъ тонкой бѣлаго цвѣта матеріи съ широкой пурпуровой полосой, какъ бы опоясывающей этотъ плащъ и составляющей отличіе лицъ высшаго званія, а въ томъ числѣ и духовныхъ. Головной уборъ духовныхъ лицъ различается такъ: простые священники носятъ чалму (по мѣстному метамтамма), ликакгайнаты носятъ камилавку чернаго или другого какого-нибудь цвѣта, чаггэ и настоятели церквей убѣжища имѣютъ камилавки чернаго же цвѣта съ бѣлой „кацелой“, которая спадаетъ на плечи въ видѣ короткой косынки. Кромѣ того чаггэ и нѣкоторыя другія высшія духовныя лица носятъ въ качествѣ данной негусомъ награды камись изъ цвѣтной шелковой матеріи, шитый золотомъ. Всѣ духовные ходятъ съ посохами, имѣющими форму нашей буквы Т.

Кругъ церковныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію духовнаго начальства въ Абиссиніи, очень ограниченъ. При первобытной простотѣ и несложности жизни обитателей Абис-

синіи, когда въ церквахъ приходскихъ не существуетъ никакихъ записей о рожденіи, смерти, бракосочетаніи и пр. епископамъ, ликакгайнатамъ, алакамъ приходится вѣдаться преимущественно съ дѣлами судебнаго свойства. Этими дѣлами собственно и ограничивается дѣятельность абиссинскихъ духовныхъ начальниковъ.

II.

Судебные порядки въ Абиссиніи нельзя считать установившимися и опредѣленными вполнѣ. Что касается самыхъ законовъ, то они отличаются неполнотою и не могутъ отвѣчать всѣмъ случаямъ преступленій, подлежащихъ судебному разбирательству. Опытная и природная мудрость, здравый смыслъ судей—вотъ тѣ начала, на которыхъ всецѣло зиждется въ Абиссиніи судопроизводство.

Основные черты свѣтскаго и духовнаго суда въ Абиссиніи однѣ и тѣже. Разница только въ званіи судей, а не въ процессѣ суда. Кромѣ ликакгайновъ и алаковъ (духовныхъ судей) есть судьи свѣтскіе—представители царя. Словомъ, есть судъ церковный и царскій. И въ томъ и въ другомъ приходится судиться и свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, — при чемъ соблюдается извѣстный установленный порядокъ, о которомъ будетъ сказано ниже. А теперь познакоимся съ особенностями абиссинскаго судопроизводства.

Населеніе нѣсколькихъ селъ и городовъ имѣетъ своего посредника (даннѣ), который выбираетъ себѣ помощниковъ—судей изъ старѣйшинъ города или села. Самъ даннѣ выбирается губернаторомъ (дажежмачъ-мслиѣнной) изъ среды жителей тѣхъ селъ, для которыхъ онъ назначается. Совершенно неграмотный, но извѣстный своею опытностію, правдивостію и честностію человѣкъ можетъ сдѣлаться даннѣ. Судъ у даннѣ происходитъ разъ въ двѣ или въ три недѣли, въ извѣстные дни. Въ день суда даннѣ сидитъ въ судилищѣ (это гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ, большею частью на горѣ); онъ окруженъ толпой помощниковъ старѣйшинъ. Тутъ рѣшаются споры, тяжбы, принимаются жалобы и пр. Напримѣръ, подходятъ къ даннѣ два человѣка. Одинъ жалуется на другого за обиду, причиненную словами или дѣйствіемъ.

Если обвиняемый не сознается въ своемъ проступкѣ, то употребляется слѣдующее символическое дѣйствіе. Истець дѣлаетъ на краю верхней одежды дання узелъ и, ударяя по нему, клянется своимъ имуществомъ или только частью его (смотря по важности жалобы), напр. говорить: „пять быковъ“. Это значить, что, если жалоба его неправильна, онъ обязанъ уплатить судѣ пять быковъ. Отвѣтчикъ долженъ при этомъ развязать узелъ, если не хочетъ признать себя виновнымъ. Тогда дання посылаетъ истца за свидѣтелями. Оба противника, положившіе въ условіе „пять быковъ“, кромѣ того должны выбрать каждый для себя тутъ же на судѣ поручителя (уаса). Поручитель платитъ за своего кліента въ случаѣ, если тотъ скроется отъ суда. Уась выбирается изъ старѣйшинъ и почетныхъ лицъ, извѣстныхъ своею честностію. Кто не найдетъ себѣ уаса, (можетъ быть, потому, напримѣръ, что не имѣетъ среди присутствующихъ хорошаго знакомаго или друга) того заковываютъ въ цѣпи (сансалать) и при томъ не одного, а вмѣстѣ съ конвойнымъ (курання), чтобы не убѣжалъ. Въ такомъ положеніи ему приходится оставаться до окончанія судебного процесса, который иногда можетъ продолжиться очень долго¹⁾. Считается большимъ позоромъ для того, кто остался безъ уаса. Несчастный плачетъ, вопитъ. Случается, что въ это время кто-нибудь изъ присутствующихъ на судѣ сжалится, наконецъ, надъ нимъ и возьметъ его на свою отвѣтственность. При этомъ требуется клятва. Дѣлающейсѣ уасомъ и его кліентъ должны произнести слова: „Менеликъ имуть“—клянусь смертію Менелика. Потомъ уже начинается дознаніе, выслушиваются свидѣтели. Иногда процессъ затягивается на мѣсяць, на годъ и болѣе (такъ какъ судъ производится только разъ въ 2—3 недѣли). Клятва, заключенная между уасомъ и его кліентомъ, остается дѣйствительною до окончанія процесса. Но потомъ она должна быть снята. Если уась забудетъ тотчасъ по окончаніи дознанія снять съ себя клятву въ присутствіи дання, то онъ остается отвѣтчикомъ за своего кліента до тѣхъ поръ, пока новый случай не сведетъ его съ кліентомъ опять у дання, когда

¹⁾ Курання же получаетъ отъ скованнаго съ нимъ извѣстную суточную плату.

онъ будетъ имѣть возможность поправить ошибку своей забывчивости. Если такого случая не представится, то уась и его кліентъ остаются связанными клятвой до смерти одного изъ нихъ. На судѣ въ Абиссиніи есть еще „тавака“ (адвокаты). Кто плохо говоритъ, просить (за плату или даромъ) другого идти съ нимъ въ судъ и излагать жалобу, отвѣчать на вопросы дання, спорить съ противникомъ и пр. Адвокатура въ Абиссиніи довольно развита. При помощи адвоката иной виновный выходитъ изъ суда оправданнымъ. Дання за свой трудъ судіи получаетъ съ неправой стороны плату, смотря по важности жалобы или вины. Если въ районѣ дання совершится какое-нибудь очень важное преступленіе, какъ-то убійство, крупная кража, мятежъ, разбой, то происходитъ слѣдующее. Дання разслѣдываетъ дѣло на мѣстѣ, но самъ не судитъ, а отправляется съ связаннымъ преступникомъ къ начальнику округа (дажежмачъ мслиеннѣ, т. е. генералу намѣстнику). Здѣсь (опять въ присутствіи старѣйшинъ—постоянныхъ друзей и помощниковъ мслиенны) чинится судъ. Мслиенна произноситъ приговоръ, и если послѣдній такого свойства, что требуетъ пролитія крови или повѣшенія, то мслиенна не вправѣ самъ своею властію исполнить свой приговоръ, а долженъ отправить связаннаго преступника вмѣстѣ съ его посредникомъ въ царскій судъ. Здѣсь посредникъ передаетъ ходъ и рѣшеніе суда мслиенны и царевъ судъ повелѣваетъ его исполнить. Впрочемъ, преступникъ имѣетъ право тутъ же заявить, что онъ не доволенъ судомъ мслиены и просить совершить надъ нимъ царевъ судъ. Тогда на основаніи сообщенныхъ раньше дання свѣдѣній о преступленіи царскія судьи произносятъ свой собственный приговоръ, который то совпадаетъ съ судомъ мслиенны, то бываетъ строже, то милостивѣе. Нужно замѣтить, что въ Абиссиніи чрезвычайно развита апелляція какъ въ свѣтскомъ судѣ, такъ и въ духовномъ. Священникъ, недовольный судомъ своего ближайшаго церковнаго судіи, ищетъ защиты у епископа или у чаггэ,—потомъ недовольный и ихъ судомъ подаетъ жалобу въ судъ самого царя. Дворцы епископа, чаггэ и царя постоянно бываютъ осаждаемы жалобщиками (боигвань), недовольными судомъ своихъ ближайшихъ начальниковъ—судей. Для этой цѣли при дворцахъ епископа, чаггэ и царя постоянно

находится большой запасъ лицъ — развѣдчиковъ (судебныхъ слѣдователей), тоже называемыхъ дання (посредники). Ихъ обязанность разслѣдывать дѣла тѣхъ жалобщиковъ, которые по какимъ-либо причинамъ не привели съ собой своихъ мѣстныхъ посредниковъ. Новый дання, приставленный къ преступнику или жалобщику, долженъ самъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ — распросить свидѣтелей того города, гдѣ виновный совершилъ преступленіе, разузнать отъ мѣстныхъ дання и мсленны, судившихъ преступника, какое произведено дознаніе и какой данъ ими приговоръ по этому дѣлу. Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, дання въ сопровожденіи заинтересованной стороны идетъ опять въ царское судилище и здѣсь передаетъ все, что узналъ. На основаніи этихъ свѣдѣній и совершается царскій приговоръ уже окончательный и послѣдній. Тоже происходитъ и въ церковной практикѣ. Священникъ или діаконъ, недозвольный судомъ своего алака, можетъ съ послѣднимъ ѣхать къ ликакгайнату, потомъ къ епископу, наконецъ, и къ царю. Апелляція въ другой судъ, какъ сказано выше, въ Абиссиніи очень развита. Это зло, неустранимое при существующихъ въ Абиссиніи порядкахъ судопроизводства и несовершенствѣ низшихъ судебныхъ органовъ, укоренилось въ странѣ слишкомъ глубоко. Вотъ порядокъ этихъ апелляцій.

Всякій, кто хочетъ судиться у царя, идетъ въ городъ, гдѣ живетъ царь. Если апелляторъ не имѣетъ съ собой посредника (дання), а пришелъ самъ, то долженъ стать возлѣ царскаго дворца и кричать: „авѣтъ, авѣтъ, авѣтъ“!... (авѣтъ=жалоба). Кричать нужно до тѣхъ поръ, пока царь не услышитъ. Случается, что бѣдный бойгванъ (апелляторъ) прокричитъ у дворца до ночи, то усиливая голосъ, то ослабляя отъ изнеможенія. Но разъ крикъ его услышанъ царемъ, счастливъ онъ: царь немедленно высылаетъ къ нему авангуса (царскія уста)—человѣка, обязанность котораго выслушивать жалобы боигваней. Авангусъ узнаетъ, въ чемъ дѣло, и назначаетъ дання для разслѣдованія жалобы. Проходитъ извѣстное время, необходимое для развѣдыванія, и дання съ апелляторомъ снова у дворца. Тутъ кричатъ — „авѣтъ“ уже не приходится, такъ какъ есть дання, имѣющій право входа во дворецъ и аудіенціи у „царскихъ устъ“ (авангуса). Дання передаетъ авангусу все, что слышалъ

и видѣлъ по поводу дѣла своего кліента. Авангусъ назначаетъ день суда.....

Царскій судъ—это высшая судебная инстанція. Но царь обыкновенно судить не самъ, а только присутствуетъ въ то время, когда судятъ другіе. Для этого существуетъ при царѣ цѣлое учрежденіе—соборъ мужей мудрыхъ, честныхъ, знатныхъ. Называется онъ ликаонтомъ (собств. сонмъ старѣйшинъ), а члены его ликами. Лики въ числѣ двѣнадцати выбираются самимъ царемъ изъ лицъ, отличившихся и извѣстныхъ царю съ хорошей стороны, своими качествами ума и сердца. Конечно, вкусы у царей бываютъ различны: иной любить строгихъ, иной добрыхъ, — въ зависимости отъ этого и лики выбираются изъ строгихъ или изъ нестрогихъ, добрыхъ людей, и судъ царскій слѣдовательно бываетъ то строгимъ, то милостивымъ. Сверхъ того, въ ликаонтъ выбираются люди съ судейскими способностями, или, какъ выражаются абиссинцы, имѣющіе даръ судіи. Чтобы опредѣлить, къ какому званію принадлежатъ лики — свѣтскому или духовному, нужно имѣть въ виду, что въ Абиссиніи всѣ ученые люди считаются духовными, членами бете кгайната (домъ священства). Ликовъ такимъ образомъ слѣдуетъ считать духовными особами. При негусѣ Іоаннѣ въ числѣ ликовъ даже былъ одинъ женатый священникъ. Когда умретъ одинъ изъ ликовъ, царь на мѣсто его тотчасъ же избираетъ новое лицо и объ этомъ объявляетъ чрезъ гонцовъ по всему своему царству. Каждый изъ ликовъ владѣетъ дарованными ему царемъ селами и городами, съ которыхъ получаетъ подать, вмѣсто самого царя. Села и города, дарованные царемъ лику, составляютъ его пожизненное владѣніе, и по смерти лика переходятъ къ тому лицу, котораго на его мѣсто выберетъ царь. Лица кромѣ того, — верховный судія (еараджечъ) своихъ сель и городовъ. Собраніе Ликаонта происходитъ ежедневно, исключая дней праздничныхъ. Цѣлыя толпы жалобщиковъ—апелляторовъ, пойманныхъ преступниковъ, разбойниковъ, убійцъ наводняютъ городъ, гдѣ живетъ царь, а иные изъ нихъ проживаютъ здѣсь цѣлые мѣсяцы, пока имъ удастся явиться на судъ ликаонта. Каждый день прибываютъ въ столицу все новые и новые жалобщики, связанные по рукамъ и ногамъ преступники съ своими курання (конвойными) и дання.

Утромъ вся эта толпа тѣснится у горы „Адававай“, служащей мѣстомъ судилища. Эта гора представляетъ изъ себя круто обрывающееся плато, имѣющее столообразную форму, какъ и всѣ почти горы Абиссиніи. На такую гору нужно взбираться по ступенькамъ. Негусъ съ тѣлохранителями, чаггэ и всѣ лики поднимаются, на вершину горы. Тамъ на плоской равнинѣ, устланной коврами, подъ прикрытіемъ изъ полотна собирается ликаонтъ. Всѣ лики садятся на землю въ два ряда, лицомъ другъ къ другу. Предъ каждымъ рядомъ стоитъ по одному аналою съ книгою закона.— „Отанагастъ“. Негусъ располагается поодаль отъ ликовъ на длинномъ одрѣ, полулежа на немъ во время засѣданія. Чаггэ сидитъ на креслѣ по лѣвую сторону царя. Если въ засѣданіе приглашается епископъ (при Менеликѣ это не рѣдкость), то онъ садится на кресло съ правой стороны негуса. При епископѣ постоянно находится переводчикъ. Кромѣ вышеуказанныхъ лицъ — негуса, епископа, чаггэ и ликовъ—въ ликаонтѣ по приглашенію негуса иногда присутствуютъ и князья, пріѣзжающіе по своимъ дѣламъ къ негусу,—напримѣръ, Расъ-Алула, Хамасеенскій (совершенно неграмотный человѣкъ) за свою природную мудрость пользовался уваженіемъ негуса Іоанна и по приглашенію послѣдняго участвовалъ въ ликаонтѣ всякій разъ, какъ случайно пріѣзжалъ въ столицу Аксумъ. При Менеликѣ любимцемъ состоитъ Расъ-Маконень, князь Герорскій, который тоже, бывая въ столицѣ Менелика Анвеоверѣ, ходитъ по приглашенію царя въ ликаонтъ. Судъ въ ликаонтѣ совершается слѣдующимъ образомъ. Приводятся по очереди въ собраніе лица, подлежащія суду, съ ихъ посредниками (данна). Аѳангусъ передаетъ собранію вкратцѣ все дѣло приведеннаго жалобщика или преступника. Потомъ посредникъ излагаетъ дѣло по подробнѣе. Въ это время слышится шелестъ отъ перелистыванія Отанагаста (родъ судебника). Это лики отыскиваютъ статьи закона, которыми излагаемое дѣло предусматрѣно. Иногда статья отыскивается сразу иногда приходится еще ликамъ поспорить между собой (втихомолку), которую статью слѣдуетъ открыть въ отанагастѣ. Когда посредникъ окончитъ свое изложеніе, немедленно (лики думаютъ очень быстро) подымается самый младшій изъ ликовъ, выступаетъ на средину и, проговоривъ съ поклономъ

обычное привѣтствіе царю, излагаетъ свое мнѣніе касательно дѣла. Такъ дѣлаютъ всѣ лики по чину, начиная съ низшихъ и кончая самымъ старшимъ. Царь молча выслушиваетъ всѣхъ ликовъ. Потомъ дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ. Царь при этомъ вовсе не вмѣшивается въ рѣшеніе суда, если только дѣло не имѣетъ серьезнаго значенія и не касается близко интересовъ самого негуса. Въ противномъ случаѣ, онъ, если рѣшеніе ликовъ ему не правится, или заставляетъ перерѣшать дѣло снова, или самъ излагаетъ свое рѣшеніе. Процессъ оканчивается. Авангусъ передаетъ данна рѣшеніе ликаонта. Если преступникъ признанъ виновнымъ немедленно исполняется надъ нимъ приговоръ суда. Для этого есть особое лицо — балаогъ. Въ распоряженіи балаога находится цѣлая толпа палачей, которые, по знаку балаога, берутъ преступниковъ и ведутъ на мѣсто казни — въ Меккача. Меккача находится недалеко отъ горы Адававай. Во время засѣданія ликаонта онъ представляетъ ужасное зрѣлище. При негусѣ Іоаннѣ, на примѣръ, онъ былъ подобіемъ ада. Хищныя птицы стаями слетаются на запахъ свѣжей крови, которая ручьями стекаетъ съ горы. Обезглавленные трупы, отрубленные головы, руки и ноги валяются на землѣ, пока кто-нибудь изъ благочестивыхъ людей не предастъ ихъ землѣ. Меккача и Адававай, говорятъ абиссинцы, спорятъ другъ съ другомъ. Въ одномъ тишина и чинность, въ другомъ стоны и кровь. Адававай выбираетъ жертвы для Меккача. Толпы зрителей окружаютъ Меккача. Сострадательные берутъ на свое попеченіе несчастныхъ безрукихъ, безногихъ преступниковъ, истекающихъ кровью. Но лицъ не простого званія не ведутъ въ Меккача. Ихъ наказываютъ тутъ же, въ присутствіи ликовъ и царя. Впрочемъ, обычными наказаніями для лицъ высшаго званія служатъ заключеніе въ крѣпости и повѣшеніе на деревѣ. Въ первомъ случаѣ преступника заковываютъ въ цѣпи, но не одного, а непременно съ кѣмъ-нибудь тоже непростого званія, но съ совершенно невиннымъ человекомъ. Этимъ выражается особое уваженіе къ личности преступника. Оба скованные вмѣстѣ живутъ въ хорошемъ помѣщеніи, пользуются хорошимъ столомъ, гуляютъ по саду и пр. Если преступникъ изъ высшаго званія приговаривается къ казни чрезъ повѣшеніе, то предварительно сни-

мають ему голову (простымъ преступникамъ этого не дѣлають) ¹⁾. Преступниковъ вѣшаютъ обыкновенно за городомъ при перекресткахъ дорогъ и тѣла не снимаются съ деревьевъ, а оставляются въ пищу птицамъ.

Въ своихъ рѣшеніяхъ данія, мсліенія, алака, ликакгайнаты не руководствуются какими-нибудь разъ установленными законами. Тутъ все зависитъ отъ природной мудрости и житейской опытности самого судіи, или какъ выражаются абиссинцы, отъ судейскаго его дара. Поэтому судъ видоизмѣняется сообразно съ взглядами и личными чувствами того или другаго судіи. Каждый руководится собственными выработанными многолѣтней практикой пріемами и законами. Только царскій судъ ликаонта чинится по писаннымъ законамъ, по книгѣ. Эта книга, служащая основаніемъ царскаго суда, какъ сказано выше, носитъ названіе „Отанагаста“ (царскій судья). Происхожденіе етанагаста абиссинскіе ученые объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Однажды Константину Великому еще въ его молодости было видѣніе. Явился ему ангелъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ и сказалъ: „Господь поставилъ тебя судьей народа, а ты не слышишь плача бѣдныхъ, которыхъ несправедливо наказываютъ въ судѣ. Судьи твои судятъ пристрастно и лицепріятно. Вотъ мечъ мой на тебя и на домъ твой, если ты не станешь отселѣ самъ судить народъ свой“. Слова ангела поразили Константина. Пригласивъ къ себѣ церковныхъ пастырей, онъ сообщилъ имъ о бывшемъ ему видѣніи и просилъ наставить его. Св. Отцы (въ числѣ 300-ть) составили для Константина книгу, которой онъ долженъ былъ руководиться въ судѣ надъ народомъ и назвали ее „царскимъ судіей (на абиссинскомъ языкѣ—„Отанагасть“)“. Книга эта дѣлится на двѣ части. Первая—„фитгъ-манфестагой“ (судья духовный)—содержитъ, кромѣ канонѣвъ 1-го вселенскаго Собора, разные уставы и правила свв. отцовъ, касающіеся церковной практики и жизни. Вторая—„фитгъ-сгаой“ (судья тѣлесный, т. е. свѣтскій)—содержитъ правила тѣхъ же отцовъ касательно гражданской жизни. Производить судъ по Ота-

¹⁾ Снимають голову не совсѣмъ, а такъ, что она остается висящею только на одной жилкѣ, послѣ чего трупъ преступника вѣшаютъ на деревья, захвативши веревками за-руки.

нагасту—исключительная привилегія суда царскаго. Послѣдній считается самымъ авторитетнымъ и самымъ правдивымъ потому, именно, что чинится по книгѣ и при томъ по книгѣ, составленной св. отцами. Это, можетъ быть, и объясняетъ непомѣрное развитіе въ Абиссиніи апелляцій въ судъ царя. Покойный негусъ Іаннъ, царь Тигри, подаривъ царскіе титулы князьямъ Шоа и Готшамъ, тѣмъ самымъ далъ имъ право судить по этанагасту. Сверхъ того это право дается иногда (очень рѣдко) какому нибудь именитому князю, владѣнія котораго далеко отстоятъ отъ царской резиденціи. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время этимъ правомъ, по волѣ Менелика, пользуется Расъ-Алула, князь Хамасеенскій.

Вся земля cadaго абиссинскаго царства раздѣлена между церковью и негусомъ: есть земля церковная и есть царская, причемъ первая по своему пространству приблизительно вдвое болѣе второй. Каждая губернія (область) пересѣкается глубокими бороздами, указывающими границы церковныхъ и царскихъ владѣній. Церковная земля каждой губерніи или нагарита составляетъ средство для содержанія всего духовенства нагарита. Сообразно съ этимъ видоизмѣняется порядокъ суда церковнаго и гражданскаго. Церковь для живущаго на ея землѣ населенія является ближайшимъ судьей. Церковные крестьяне обязаны судиться у духовныхъ судей (непремѣнно) и только послѣ ихъ суда могутъ апеллировать въ судъ гражданскаго вѣдомства. Нарушитель этого порядка строго наказывается—обыкновенно—лишается всего имущества и еще заключается на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ крѣпость. Царскіе крестьяне судятся у свѣтскаго данна (также у мсленны или его помощниковъ), но имѣютъ право судиться и у духовныхъ данна (ликакгайнатовъ). Далѣе, какъ намъ извѣстно, какъ на церковной, такъ и на царской земляхъ есть гульты—владѣнія какихъ-нибудь большихъ городскихъ церквей или храма, монастыря убѣжища. Всѣ принадлежащіе къ гульту—и духовные и міряне судятся сначала у начальника гульта—алака (т. е. настоятеля первой гультской церкви), потомъ, если живутъ на церковной землѣ, идутъ къ ликакгайнатамъ, или прямо къ свѣтскому данна. Живущіе же на царской землѣ, послѣ суда у своего алака и потомъ у данна апеллируютъ къ

ликакгайнатамъ, а потомъ и у епископа (или чаггэ). Жители же гульты, принадлежащаго храму убъжища, на какой бы землѣ они ни жили, (на церковной или царской), послѣ суда у настоятеля храма не имѣютъ права идти съ апелляціей къ ликакгайнату или епископу, а непременно должны обратиться къ свѣтскому дання, представителю негуса: судъ ликакгайната и епископа для нихъ въ силу особыхъ данныхъ храму убъжища негусомъ правъ не существуетъ. Въ ликаонтъ могутъ апеллировать всѣ, исключая только тѣхъ, которые живутъ въ абунскихъ нагаритахъ, гдѣ негусомъ является самъ епископъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о средствахъ содержанія абиссинскаго духовенства. Каждый приходъ въ томъ нагаритѣ, къ которому онъ принадлежитъ, имѣетъ свою землю, извѣстный участокъ, удѣленный ему на церковной землѣ, занимающей $\frac{2}{3}$ нагарита. Живущіе на этомъ участкѣ крестьяне обрабатываютъ его, собираютъ съ него хлѣбъ и четвертую часть его отдаютъ причту, владѣющему участкомъ. За требоисправленія же духовенство не беретъ съ прихожанъ платы. Въ Абиссиніи есть еще добрый обычай. Богатые крестьяне и помѣщики ежегодно отдаютъ на свою церковь десятую часть отъ всего своего дохода. Настоятель церкви (гавасъ) дѣлитъ всѣ полученныя десятины на три части. Одна идетъ въ пользу бѣдныхъ прихода. Другая въ пользу причта церкви, — третья же отсылается къ чаггэ, который распределяетъ всѣ полученные отъ церкви взносы между нуждающимися монастырями (дебрами). Негусъ абиссинскій самъ строго исполняетъ благочестивый обычай одесятствованія. И онъ ежегодно удѣляетъ десятую часть всѣхъ своихъ богатствъ на нужды церкви, монастыри и бѣдныхъ.

Крестьяне живущіе на землѣ, принадлежащей дебру или монастырю, освобождены отъ подати царской. Только въ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ, во время войны, негусъ обращается къ монастырямъ и соборамъ за денежнымъ пособіемъ, которое и взимается алаками съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ (подушно) и отсылается къ негусу. Въ каждомъ дебрскомъ или монастырскомъ гультѣ есть лицо, исполняющее экономическія обязанности. Это такъ называемый мемгыръ (обычное названіе наставниковъ школъ) въ дебрскихъ гультяхъ и аввсменеть (отецъ мѣста) въ мо-

настырскихъ. Экономъ, собравъ всю полученную съ крестьянъ подать (гебыръ) въ видѣ зерна, скота, или денегъ (послѣднее очень рѣдко) распредѣляетъ ее между всѣми причтами, владѣющими гультомъ. Обыкновенно около половины гебыра идетъ въ пользу главнаго въ гультѣ собора или монастыря. Если въ какомъ-нибудь нагаритѣ строится Церковь и образуется новый приходъ, то обязанность ликагайнатовъ—отыскать для причта новой церкви участокъ земли. Послѣдній отмѣривается на землѣ того гульта, который окажется побогаче другихъ. Иногда для новообразующагося прихода самъ негусъ назначаетъ участокъ изъ своей царской земли. Случается, что одинъ монастырь имѣетъ нѣсколько гультовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ нагаритахъ. Этими гультами завѣдываютъ назначенные отъ монастыря авеменеты.

Вообще, нужно сказать, что въ матеріальномъ отношеніи Абиссинская церковь въ лицѣ своихъ служителей вполне обезпечена.

Е. Долганевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
